
ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2

ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ МИРА КАК ФЕНОМЕН МИФО-ЭПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

М.А.ШЕНКАО*Карачаево-Черкесская
государственная
технологическая академия**e-mail: Schenkaom@mail.ru*

Статья посвящена способам футурологического анализа будущего через призму духовных возможностей древнего общества.

Ключевые слова: истина, судьба, гостеприимство, предсказание будущему древними.

---

*«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
что сбудется в жизни со мною ...»
(А.С. Пушкин)*

Эта статья для журнала идет впервые. До этого она была опубликована в моих книгах еще в 1997 и 2005 годах. А текст был написан еще в советское время. Чтобы не ломать стиль мышления, я все оставил по-старому.

Первый «исторический акт» человека – это производство средств, необходимых для удовлетворения потребностей в пище, питье, одежде и прочем, т.е. «производство самой материальной жизни»¹. При производстве материальной жизни человек вступает в отношения с природой и с окружающими его людьми. Природа при этом «противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот,» точно также в отношениях между индивидами, на первоначальной стадии истории, господствующее значение принадлежит стадному сознанию, осознанному инстинкту»².

Ограниченное отношение человека к природе порождает ограниченные социальные отношения. Также как ограниченные отношения между людьми порождают слабость перед силами природы. Мифологическое сознание, возникающее на базе ограниченного отношения между людьми, на основе бессилия и слабости людей перед силами природы и на основе необходимости соиздания условий, удовлетворяющих потребности человека, имеет свою предысторию: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение лю-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966. – С. 37.

² Там же. – С. 40.

дей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий»³. Сознание при таком состоянии дел еще не отделилось от производства и не вообразило себя свободным от материальной жизни. Перед нами становящееся сознание, которое мыслит о мире образо-словами, знаками, знаменами. Известно, что отражение окружающего мира, т.е. «освоение мира общественным человеком осуществляется в ряде основных форм, среди которых можно выделить материально-практическое – преодоление «внешности», «чуждости» мира с помощью его преобразования в процессе труда; духовно-практическое – преодоление «чуждости» мира, внешних сил, которые господствуют над человеком в воображении, в сознании, в мышлении; и, теоретическое – познание природы, закономерностей мира, раскрытие его тайн⁴.

В ходе духовно-практического освоения мира происходит «осознание ближайшей, чувственно воспринимаемой среды и сознание ограниченной связи с другими лицами и вещами»⁵ и при этом человек оперирует не столько строго логическими понятиями «истины и лжи», сколько – понятием «правды». «Правда» мифо-эпического сознания есть правда рода или же правда народа, от имени которого выступает данный индивид. Прочувствованная истина, истина добытая кровью и потом рода, его ошибками и победами над силами природы – вот та истина или вернее правда рода, в соответствии с которой живет человек мифо-эпического сознания. Такая «истина» означает верность человека в его поступках традициям рода, племени, народа. «Правда» – это истина, сделавшаяся принципом жизни. Это не чисто гносеологическое понятие, так как она отражает еще правильность жизненной позиции (или программы) индивида, рода, племени народа. «В отличие от истины как характеристики знания ... «правда» характеризует и оценивает действия субъекта знания. Правда ... выражает императив, идеал поведения, заключающийся в соответствии наших поступков требованиям долга, велению совести и морали»⁶. Обычаи и заветы предков как социальное приобретение, как ценность рода, общины, племени, народа и есть правда. Именно таким понятием правды рода оперировали абазинцы и адыги. Для них были очень важны основополагающие принципы жизни рода нартов: ненависть к «иныжам», «чинтам», верность своему слову, любовь к своей родине и народу, взаимоподдержка и взаимопомощь в беде, гостеприимство, месть за пролитую кровь и оскорбленную честь, уважение к старшим и женщине, любовь и забота о детях – по этому неполному перечню «истин», т. е. правды рода, жили наши предки. Именно эти «правда рода» составляли ядро их мифо-эпического сознания. Известно, что на Северном Кавказе не так много архитектурных памятников прошлого по сравнению с Францией или Германией. Древний мир и средневековье не оставило после себя здесь, на Кавказе, грандиозных замков. Естественно задать вопрос: «В чем дело, какая установка, правда этноса удерживала людей прошлого от строительства крепостей?». Ответ на наш вопрос мы найдем у Дж. Интериано, итальянского путешественника XVI века, побывавшего на Кавказе, среди адыгов. Он писал: «Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если бы он выстроил замок или жилище с крепкими (каменными) стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться»⁷. Человек мифо-эпического героического сознания считал свою грудь воина единственно надежной оградой от всех напастей судьбы. Общественное мнение той поры осмелело бы любого, кто показал бы спину врагу, кто отдал бы себя под покровительство женщины или священной рощи в минуты смертельной опасности. Уклонившегося от вызова («Улмэ умышынэу кьыдэкIи дызэгъэбэн», т. е. «если ты мужчина, не бойся и выйди

³ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, – С. 29.

⁴ Шинкарук В.И., Иванов В.П. Актуальные проблемы исследования мировоззренческих функций диалектического материализма // Вопросы философии, 1981, № 2, – С. 50.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, – С. 39.

⁶ Яковлев В.П. Истина и правда // Известия СКНЦ ВШ, 1978, № 1, – С. 87-88.

⁷ Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, – С. 51.

на единоборство») обычно подвергали осмеянию. Его поступок рассматривался как проявление трусости, его имя становилось нарицательным именем, выражающим верх трусости в поведении.

Многие путешественники прошлого и теперь удивлялись и удивляются бескорыстию в гостеприимстве абазин и адыгов. Сколько бы времени не находился гость в доме хозяина, последний не вправе брать за гостеприимство подарки и подношения от гостя, ибо в противном случае он навлек бы на себя гнев и презрение соседей и сородичей. Скорее всего сам хозяин был обязан дарить все то, что расхваливалось, т.е. понравилось гостю. При этом адыги подчинялись мнению, дошедшему до нас: «И нэ зытенар ет, йомытми абы хьер къыхэкЪыжынукъым», т. е. дари все то, что понравилось (буквально: на что упал глаз и невозможно отвести) гостю, иначе от этого предмета больше счастья не будет. Этот предмет считался замороженным («сглаз» по-простонародному) гостем. Что же утешало хозяина после провода гостей, какое он себе вознаграждение искал? В материальном смысле хозяин никакого вознаграждения не получал. «Хозяин находит вознаграждение в самом себе, в голосе совести своей, которая говорит ему: «Ты исполнил завет отцов – священный долг гостеприимства!»⁸. Приведенные примеры показывают, что так называемые законы жизни адыгов были их правдой жизни и неукоснительное следование им, (т. е. «адыгагъэ», а после «нэмыс», которые регулировали общественную жизнь адыгов) считалось образцом «поведения»⁹. Таким образом, мы видим насколько действительно и активно влияло мифо-эпическое героическое понимание правды на нормы поведения, социальную жизнь адыгов.

С научной точки зрения совершенно очевидна «неистинность» тех «знаний», которые имелись у всякого рода гадателей древности. Но таково мифо-эпическое сознание, что оно доверяется всякого рода кудесникам, волхвам. Их мненья и знаменья, знаки неба говорят о судьбе человека, военного похода – так мыслили древние. Так в адыгском эпосе «Нарты» мы замечаем, что перед смертью Сосруко появляются знаки и знаменья, предупреждающие его о близости его конца, его смерти. Так загорается кровавым светом кольцо его матери Сатаней, веревки преграждают ему путь, небо покрывается тучами и т.п. Разгадку всем этим явлениям дает девушка Сосрыко и его мать, мудрая, вещая мать нартов Сатаней¹⁰. Следует сразу отметить, что гадателями у адыгов в большинстве случаев (если не во всех) выступают женщины. Для мужчин считалось зазорным делом заниматься гаданием, он должен был, по героическим понятиям быть немногословным, человеком дела прежде всего.

Чтобы заглянуть в будущее, чтобы узнать заранее исход события, человек древнего мира обращался к гадателям: птицегадателям, гаруспикам, сивиллам, пифиям. Все эти люди были посредниками между человеком и его судьбой. Только они умели переводить на человеческий язык непонятный «язык» судьбы. Насколько сильно было убеждение древних в непогрешимости слов гадателей показывает широко известный пример с Агамемноном, который принес в жертву богам свою дочь Ифигению, чтобы добиться победы над Троей.

Спустя почти 1000 лет после гибели Трои, были еще живы прежние взгляды на мир. Так Аммиан Марцеллин в своих «Историях», приводит многочисленные примеры веры древних римлян в слова авгуров, ауспиций, гаруспиков – этрусков. По мнению Марцеллина, через знаменья боги дают знаки, а уже от ума человека зависит: сумеет или нет он отгадать тайный смысл, сокровенное, (вернее – закрытое) в знаке. Так, Марцеллин приводит примеры того, как гаруспики отгадали, что небо дало знать императору Юлиану, что завтра его ожидает смерть в бою¹¹.

Красочно описывает Марцеллин знаменья, которые заранее указывали на гибель императора Августа Валента и на разрушение Рима: «Метались собаки под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики ... Все это чуть ли не прямыми словами указывало, какой конец жизни грозит императору», ко всему этому вдобавок ему явились во

⁸ Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980, – С. 112.

⁹ Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983, – С. 61-65.

¹⁰ Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1-7. – Майкоп, 1968-1971. Т.2, – С. 277-288.

¹¹ Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, – С. 19, 43-44, 51-52, 85-97, 134, 169-170, 242-243.

сне тени невинноубиенных по его приказу. Они изрекали страшные, зловещие слова и наводили ужас¹².

Рассуждая о печальной судьбе Рима, Марцеллин свидетельствует: «Нашли какого-то мертвого орла, лежавшего с разрезанным горлом и смерть его знаменовала собою громадные и широко хватающие бедствия общегосударственного значения», и в добавок к этому, когда сносили старые стены нашли «темный» текст при расшифровке которого узнали: когда, как и от кого падет римское государство¹³.

При чтении «Историй» Марцеллина нас удивляет вера старого солдата, военачальника в знаки и знаменья. Грек по-национальности, человек трезвого склада ума, военный, Марцеллин, казалось бы должен был полагаться только лишь на силу: на силу армии, ум и расчет полководца. Но такова была, видимо, сила традиций и мифо-эпического сознания, что человек древнего мира на первое место ставит правоту «истин» гаруспиков. По мнению Марцеллина, кто ослушается гаруспиков, и слушает философов, тот терпит неминуемо крах, как это было в истории с гибелью императора Юлиана, когда гаруспики предлагали отменить поход и битву, а философы настаивали на обратном¹⁴.

Общеизвестно, что античный герой, зная близкую развязку своей судьбы, свой близкий конец, тем не менее самоотверженно шел до конца. Так знали свою судьбу (от кого и как примут смерть) доблестные мужи-герои Ахиллес и Гектор. Знание своей судьбы делало их спокойными, героичными. Для них как-будто бы и не было смерти, они действовали как бессмертные. Не смерть, казалось, прибирала их к себе, а они будто бы после смерти уходили от нее в бессмертие, к своим предкам. Незнание конца своей жизни, неведение того, куда денется их душа после смерти, беспокойство о том, будут ли потомки украшать и «кормить» их души после смерти – вот что тревожило ум живых раннеклассового общества. Самый ужасный конец был более предпочтительным, чем неизвестность судьбы. Последнее было бы трагедией для человека древнего мира: для них страшно было уйти в небытие, чем в инобытие, т.е. в мир предков, в Аид, в Вальгаллу, в мир теней. Но жизнерадостные греки и другие язычники отнюдь не склонны были побыстрее попасть в мир иной: для них лучше было быть последним рабом на этой земле, чем быть первым в мире призраков, в мире предков, в Аиде.

По мнению наших предков, непослушание старшим, пренебрежение мнением рода вело к несчастьям. Поэтому для адыгов самым страшным проклятием было то, что у нашего современника вызовет лишь легкую улыбку: «Зыми уемыдэIужу, пщIэри умыцIыхужу тхэм дунейм укыытригъанэ!» – то есть: дай бог, чтобы ты не знал, что делать, и не хотел бы никого ни слушать, ни с кем не хотел бы советоваться¹⁵. Само по себе наговаривание такого рода есть начало бед, есть плохое предзнаменование и, по мнению древних, поэтому следовало бы пройти обряд очищения от слов, от взглядов и т.п.

Греки и римляне – народы, завещавшие всему миру богатую культуру. Казалось бы, уж они-то, рационалистично мыслящие философы, воины, математики, юристы, должны были бы быть свободными от суеверий, от своеобразных «идолов» разума. Но на деле все обстояло как раз наоборот. Древние люди боялись судить неверно обо всем том, что выходило за пределы их физических и умственных возможностей. И потому, остерегаясь того, чтобы чувства не вмешались в дела разума при решении неподвластных задач предвидения, они скорее обращались ко всякого рода незаинтересованным умам, к «специалистам» – гадалкам, чем к силе своего ума.

Объяснение мира через разгадывание смысла знаков, знамений богов и т.п. – все это было мифологическим объяснением мира. Такого рода процедуры оказывались при внешнем восприятии иносказанием и сами, естественно, требовали специального объяснения или разъяснения¹⁶.

Так, боясь быть опознанным, человек древнего мира, не желал называть свое имя, («Ибо в имени жизненная сила», – так мыслили древние). Через иносказания, метонимы обращается он к богу, называя при этом вещи и предметы не своими именами. Так вме-

¹² Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 3. Кн. 26-31. – Киев, 1908. – С. 235-236.

¹³ Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907. – С. 169-170.

¹⁴ Там же. – С.169-170.

¹⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978, – С. 309.

¹⁶ Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. – Киев, 1979., – С. 20.

сто бога Созреш, в древних адыгских песнях говорили: «Зиусхьэн», т. е. «зи уз схьын», т. е. чью болезнь (оспу) я возьму (для прививки, или же вместо ребенка я заболею). Вместо «мэзыхьэ» (волк) говорили «дыгъужь» от слова «дыгъуэ», т. е. вор).

Часто бывало так, что забывались или становились архаичными, или же приобретали совершенно новый смысл древние привычные слова. Так своеобразную эволюцию проделало нынешнее понятие «господин», т.е. «зиусхьэн». От явления (оспенной болезни) появился бог оспы: Созреш, от него же произошло понятие «зи уз схьын», а от последнего – «зиусхьэн», т.е. господин¹⁷.

Духовно-практическое освоение мира через призму мифологического сознания не мешало абазинам и адыгам лечить оспу. Об этом писали многие путешественники, посещавшие Северный Кавказ¹⁸. Но при всем при этом, надо заметить, что всякие положительные знания были у них орнаментированы мифологическими воззрениями. Органическое единство мифа и эмпирического знания позволяло людям того времени изменять форму вещи, внешнюю сторону предмета природы, но такое знание и само ограниченное отношение индивида к миру не позволяли человеку изменять саму природу, внутреннюю структуру вещи или явления. Человек оставался по эту сторону предмета, хотя субъективно ему казалось, что он имеет дело с сутью дела, с анатомией, с внутренней организацией предмета.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 37.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 40.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 29.
4. Шинкарук В.И., Иванов В.П. Актуальные проблемы исследования мировоззренческих функций диалектического материализма // Вопросы философии, 1981, № 2, с. 50.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения. – М., 1966, с. 39.
6. Яковлев В.П. Истина и правда // Известия СКНЦ ВШ, 1978, № 1, с. 87-88.
7. Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, с. 51.
8. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980, с. 112.
9. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983, с. 61-65.
10. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. 1-7. – Майкоп, 1968-1971. Т.2, с. 277-288.
11. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, с. 19, 43-44, 51-52, 85-97, 134, 169-170, 242-243.
12. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 3. Кн. 26-31. – Киев, 1908, с. 235-236.
13. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, с. 169-170.
14. Марцеллин, Аммиан. История. Выпуск 2. Кн. 20-25. – Киев, 1907, с.169-170.
15. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978, с. 309.
16. Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. – Киев, 1979., с. 20.
17. Нало З. Джэгъуакъуэмрэ усакъэмрэ. – Нальчик, 1979, с. 17.
18. Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, с. 178.

SPIRITUAL-PRACTICAL EXPLORATION OF THE WORLD AS PHENOMENON OF MYTHICAL-EPICAL CONSCIOUSNESS

M.A.SHENKAO

The article discusses the methods of futurological analysis of the future through the prism of spiritual abilities of the ancient society.

*Karachaevo-Cherkess
State Technological Academy*

Key words: truth, fate, hospitality, fortune-tellings of the ancients.

e-mail: Schenkao@mail.ru

¹⁷ Нало З. Джэгъуакъуэмрэ усакъэмрэ. – Нальчик, 1979, – С. 17.

¹⁸ Адыги, карачаевцы и балкарцы в известиях европейских авторов XIII – XIX веков. – Нальчик, 1974, – С. 178.